

DOI: 10.15643/libartrus-2016.4.4

Лексема «нечто» в передаче семантики невыразимого

© М. Ю. Михайлова

Самарский государственный социально-педагогический университет
Россия, 443099 г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.

Email: marinamikhailova44@gmail.com

В статье исследуется частотное средство передачи семантики невыразимого – лексема «нечто» на материале повести Дм. Емца «Великое Нечто». Определены предпосылки, позволяющие неопределенному местоимению передавать значение невыразимого. Впервые показано, что средством передачи невыразимого способен стать литературный оним. Определены и охарактеризованы существенные функциональные признаки семантики невыразимого. Показано, что в константной сфере денотативной области семантики невыразимого «мир запредельного» наблюдается пересечение данной семантики со сходными семантиками непостижимого и незримого. Охарактеризованы и другие средства передачи значения невыразимого в сопоставлении с лексемой «нечто».

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, семантика невыразимого, художественный текст, неопределенные местоимения, местоименный субстантиват, семантика неопределенности.

I

Невыразимое в последние 150 лет привлекает пристальное внимание ученых-гуманитариев, исследуется в философии, искусствоведении, литературоведении, лингвистике, смежных дисциплинах. Литературоведы исследуют невыразимое как самостоятельную категорию [18]; говорят, что мотив невыразимого является доминирующим в русской лирике XIX в. [1]; изучают в аспекте психопэтики [17]. В лингвистике наиболее разработанной семантика невыразимого (СН) представлена в лингвопэтике [6, 15, 16]. В настоящее время актуальным представляется изучение СН как самостоятельной функционально-семантической категории со своим планом содержания и выражения. При этом средства передачи СН иерархически организованы и находятся на разных уровнях языка [10].

II

Данная статья выполнена в русле нашего исследования СН как функционально-семантической категории. Цель работы – охарактеризовать такое частотное средство передачи СН, как лексема *нечто*. Материалом для исследования избрана повесть Дм. Емца «Великое Нечто». Попутно характеризуются все средства передачи СН в названной повести.

О том, что местоимения являются средством выражения СН, говорят многие ученые [3, 4]. Литературоведы также отмечают, что значение невыразимого поддерживается многими единицами неопределенности [5]. Кроме того, литературоведы, характеризуя мотив невыразимого, приводят многочисленные примеры, содержащие неопределенные местоимения (НМ) [1, 17].

Определяющим для характеристики *нечто* как элемента поля невыразимого следует признать фрагмент монографии Т. М. Николаевой [13, с. 50–51]. Исследовательница показала, что НМ *некий, некто, нечто* «уходят корнями в древние и/или сакральные тексты» [13, с. 50]. Ученый отмечает, что *нечто* имеет в своей семантике особый компонент – непостижимость,

невыразимость (что-то аналогичное немецкому *Etwas* в философских текстах). Ср.: *Я вижу что-то, Я вижу кое-что, Я вижу нечто*; предлагает ввести понятие «неперечислимого непостижимого объекта», находящегося на грани конкретности и абстрактности.

К такому решению Т. М. Николаеву привел языковой материал, в котором содержалось «немало текстов – попыток трактовки такого *нечто*» (ничего подобного не удалось обнаружить для остальных местоимений). См.: *Песня навсегда остается в памяти, если не словами, то своим колоритом, тем «нечто», для выражения которого нет слова на языке человеческом.*

Целое романа – его колорит, его индивидуальная особенность, его нечто, для выражения которого нет слова – еще понятнее вам, нежели каждое слово в особенности (В. Г. Белинский) [13, с. 50–51].

В монографии Е. П. Иванян для НМ *нечто* различаются СН и семантика умолчания; исследуются неатрибуируемое *нечто* и *нечто* с правосторонней валентностью (в составе словосочетания), показано, что сочетание *нечто* с прилагательными, обозначающими возвышенное, неземное, нематериальное, передает СН [8, с. 205].

Повесть Дм. Емца «Великое Нечто» [7] относится к беллетристике, тем очевиднее в ней обозначены предпосылки, способствующие передаче значения невыразимого в художественном тексте. Жанровое и поджанровое определение данной повести – фэнтези, городское, приключенческое, юмористическое. Как написано в аннотации, дни инопланетной цивилизации мрыгов сочтены; надежду на спасение инопланетяне (Грзенок и его дочь Лирда) видят в Великом Нечто, которое обитает на Земле. Великое Нечто, возможно, только легенда, оно неопределимо и, похоже, что непостижимо.

В повести лексема *нечто* представлена и как представитель СН и без передачи значения невыразимого. Частотность НМ *нечто* велика, поскольку сюжет разворачивается вокруг тайны, окружающей *Великое Нечто*, составляет 85 словоупотреблений.

Денотативную область СН составляют константные и переменные сферы. К константным относим следующие: 1) сфера запредельного, инобытия; 2) внутренний мир человека [10, 14]. На протяжении многих веков элементы денотативной сферы запредельного СН обслуживают теологию, философский дискурс, а также другие дискурсы, в которых затрагиваются важные проблемы человеческого бытия.

Доминирующими единицами данной сферы СН являются НМ *нечто* и формы среднего рода субстантивированных имен прилагательных и причастий в значении качества, не связанном с каким-либо его носителем. О таких формах Т. А. Миронова пишет: «Осознаваемые как бы вне самой идеи рода-пола такие формы приобретают широкое обобщенно-абстрактное значение, и именно поэтому типичны для тех фрагментов текста, где автор рассуждает на философские, общечеловеческие темы» [9, с. 9]. Ср. с замечанием Н. М. Азаровой: «Прилагательные среднего рода являются типологической чертой русского философского текста, особенно первой половины XX в.: *невыразимое, непостижимое, родное и вселенское* и др.» [2]. Применительно к нашему материалу философские проблемы бытия, смысла жизни решаются в легкой шутливой манере, одно из определений жанра этой повести – хулиганское фэнтези.

Нечто в повести представлено в двух видах употреблений: 1) в составе и качестве литературного онима, что маркировано прописными буквами *Великое Нечто* и 2) как НМ. Как показал анализ языкового материала, только в первом виде происходит реализация значения невыразимого. Рассмотрим эти виды поочередно.

1. **Нечто в составе литературного онима.** Актуализации значения невыразимого способствует контекст, характерный для философского дискурса, в частности, отвлеченная философская лексика, например:

*Бродя по иллюзорному миру и проводя свою вечность в мире абстрактных идей и логических построений, я и думать забыл обо всем суетном и ничтожном. Как вдруг две галавспышки назад Великое **Нечто**¹ позвало меня [7, с. 312];*

*Одни считали Великое **Нечто** легендой, другие видели в нем абстракцию вроде абсолютной идеи или философского камня; третьи – апокалиптики – боялись его, веря, что Великое **Нечто** несет их цивилизации смерть и гибель... [7, с. 90];*

*Никто никогда прежде не думал, что Великое **Нечто** материально... [7, с. 313].*

Элемент СН *нечто* представлен Дм. Емцом в шутливо-пародийно-развлекательном ключе через набор известных философских идей и техник мышления. Таковы философские идеи:

Вопрос бытия – существования:

...четвертые, напротив, утверждали, что с ним (Великим Нечто. – [10, 11]) связаны необыкновенные надежды и смысл существования их цивилизации [7, с. 90];

*- Великое **Нечто**... Так, значит, оно все-таки существует! [7, с. 51].*

Жизнь в материальном мире – это всего лишь иллюзия или сон:

*- Великое **Нечто** спит... оно всегда спало, – прошептала Дымла. – И то, что снится Великому **Нечто**, и есть наше бытие [7, с. 375].*

- Все во всем:

*- Я давно знала, что Великое **Нечто** близко... Видишь чайку? – Дымла показала рукой наверх. – Великое **Нечто** – это чайка. Видишь океан? Великое **Нечто** – это океан. Как и мы с тобой, оно не связано с формой. Великое **Нечто** – может быть всем, а может не быть ничем [7, с. 194];*

*[Инопланетянин Грзенк в образе таракана смотрит по телевидению эпизод мыльной оперы с донной Матильдой] – Донна Матильда? И ты это смотришь? – женщина засмеялась. Зубы у нее были очень крупные и белые. / Тараканчик Грзенк даже пожегился, на мгновение усмотрев в ее смеющемся зубастом рту отражение Великого **Нечто** [7, с. 53–54];*

*Дымла уже с провалами ощущала себя как целостную личность, и порой ей казалось, что она и есть Великое **Нечто**... [7, с. 375].*

- Антиномии бытия:

*- Ужасного? Кто тебе сказал, что Великое **Нечто** ужасно? Напротив, друг мой, оно прекрасно [7, с. 304].*

- Изменчивость форм материи:

*- Они ищут клад, – насмешливо припомнил Грзенк. – У Великого **Нечто** много обличий – этим людям оно соизволило предстать в виде клада... [7, с. 348];*

*Ведь только наивные аборигены искали сундук. Великое же **Нечто** могло быть всем, чем угодно [7, с. 284].*

- Прием апофатики как методология познания:

*Великое **Нечто** – это океан. Как и мы с тобой, оно не связано с формой. Великое **Нечто** – может быть всем, а может не быть ничем [7, с. 194].*

В примере апофатика проявляется через отрицания.

---

¹ Здесь и по всему тексту статьи основное анализируемое языковое средство выделяем полужирным, сопутствующее языковое средство – подчёркиванием.

В целом употребление *нечто* в составе и в качестве литературного онима не препятствует реализации функции невыразимого, так как при подобных применениях сохраняются существенные семы СН: 1) 'отсутствие возможности вербализовать'; 2) 'возможность выбора денотата невыразимого «стремится к бесконечности», что делает выбор невозможным'; 3) 'неотождествленность денотата невыразимого'; 4) 'опосредованное выражение денотата невыразимого'. На протяжении всей повести названные семы средства передачи СН *Великое Нечто* сохраняются актуальными, поскольку при описании его свойств и качеств сохраняются невозможность вербализовать непосредственно, многочисленность выбора денотата (клад, камень, жемчужное кольцо, ничто, что угодно и т. п.); вследствие этого сохраняется неотождествленность денотата невыразимого. При этом у говорящего и адресата речи складывается представление о предмете невыразимого благодаря опосредованному конвенциональному выражению – лексеме *нечто*.

Бытование *нечто* с СН в повести Дм. Емца обнаруживает **функциональные признаки** данной семантики. Таковыми являются следующие:

1) Г. С. Сырица заметила, что группа единиц СН часто поддерживается лексемами *странный, таинственный, непостижимый* [14, с. 294]. Это наблюдение подтверждается и в нашем материале; элементы поля невыразимого в тексте частотно сочетаются с лексемами, обозначающими тайну, загадку и т. п., например:

*Было бы глупо найти здесь бесславный конец, когда где-то рядом, неведомое и загадочное, находилось Великое **Нечто*** [7, с. 53];

*Лирда услышала разговор двух девочек о чем-то таинственном и непонятном: «Один мой знакомый их чувствует, хотя, конечно, полная неизвестность, что там...» ...Кажется, некоторые земляне, подумала она, обладают способностью к познанию Великого **Нечто*** [7, с. 58];

*- ...у меня создается ощущение... не знаю, как это объяснить... близости чего-то необыкновенного. / – Думаешь, кто-то из них был замаскированным Великим **Нечто**?* [7, с. 140];

*Но готово ли Великое **Нечто** открыться? ...И Грзенк понял, что не может пока прикоснуться к тайне* [7, с. 254];

*Я считаю, что Великое **Нечто** – миф. Осколок загадочной религии... [7, с. 119];*

*Пусть Великое **Нечто** – это только смутная легенда, но ни одна легенда не возникает на пустом месте* [7, с. 7].

2) *Нечто* в повести Дм. Емца как элемент СН будто бы иллюстрирует истоки ее формирования, отсылает читателя к фольклорной и теологической традициям, см. соответственно примеры:

*- ...вокруг столько других планет! ...А ты выбрала именно эту, с которой связана легенда о Великом **Нечто**. Тебе это не кажется странным?*

- Ну, не знаю... Как в старой земной сказке: пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что, – сказала Лирда;

*[Инопланетяне спрашивают у своего мудреца:] И спросили у него: точно ли знаешь ты, что заберет у нас души Великое **Нечто**?* [7, с. 122];

И сказал он: только думаю так, ибо природа его мне неведома [7, с. 146].

3) Элементы поля невыразимого тесно взаимодействуют с элементами сходных семантик непостижимого и незримого в константной денотативной сфере СН «запредельное, мир инобытия». Взаимодействие полей семантик невыразимого, непостижимого и незримого сильно в силу их сходства в синтагматическом и эпидигматическом измерениях и наличия общих

компонентов в семантической структуре их конститuentов. Значительность сходства приводит к тому, что иногда ученые не противопоставляют СН семантике непостижимого и незримого [8, 13, 14]. Ср. с цитатой из Т. Н. Николаевой: «Неатрибуируемое *нечто*... имеет в своей семантике компонент – непостижимость, невыразимость» [13, с. 50]. Иными словами, компонент разных семантик представлен в цитате как один. Рассмотрение данных семантик позволяет сделать вывод: в денотативной сфере запредельного частотно их кластерное бытование [11]. Проиллюстрируем этот функциональный признак СН на примерах из повести Дм. Емца.

- Взаимодействие элементов поля непостижимого и невыразимого:

- Ты последняя, кто сможет познать Великое **Нечто!** [7, с. 287].

- Примеры взаимодействия полей незримого и невыразимого:

Великое **Нечто** где-то здесь, сосем близко, невидимое, затаилось [7, с. 57];

Лирда тем временем подключила интуицию и внутреннее зрение, но присутствия Великого **Нечто** не ощущалось [7, с. 152].

2. Нечто как НМ. Неонимное употребление лексемы *нечто* в повести Дм. Емца представлено в количестве шести употреблений, это НМ с правосторонней валентностью; все названные употребления актуализируют семантику приблизительности или неопределенности, но не передают СН, см. примеры с семантикой неопределенности:

Лирда смутно ощущала, что, хотя разговор теперь льется непринужденно, непринужденность эта натянутая, и ей предстоит еще выслушать **нечто** важное [7, с. 377];

Он возмущенно открыл рот, выпучил глаза и, покраснев, с видом подавившегося камушком Демосфена попытался произнести **нечто** вразумительное [7, с. 334];

Существовало и еще **нечто** неопределенное, сбывавшее майстряка с толку [7, с. 338].

См. примеры *нечто* с семантикой приблизительности:

Алексей забрался на камень – в одном месте его скошенная часть образовывала **нечто** похожее на седло [7, с. 345];

[Об одной из сторон камня] Стало заметно, что она выщерблена и образует **нечто** вроде небольшого навеса [7, с. 349];

...незначительные подробности на стыке стен заставляли Грзенка испытывать **нечто** сродни умилению [7, с. 296].

Тематика повести задает возможность актуализации и других средств выражения СН, таковы прилагательное *непередаваемый*, НМ *некто* и местоимение *оно*; в тексте повести они составили 56 словоупотреблений, например:

Это было **непередаваемое** зрелище, сродни тому, как если бы перерубленная пополам лошадь Мюнхгаузена вдруг высунула из небытия свое заднее копыто [7, с. 324].

В примере СН *невыразимое* усиливается тем, что в составе сравнения представлена лексика, свойственная философскому дискурсу, – *небытие*. См. пример с НМ *некто*:

[Легенда о Великом Нечто] Придет **некто**, кто отберет вашу материю, и будут души ваши вновь в наготе и бесформии [7, с. 143].

Во взаимодействии с *нечто* передает СН и местоимение *оно*. В лингвистике уже существуют указания на то, что данное местоимение третьего лица способно выражать СН [8, 12]. Безусловно, не всякое употребление лексемы *оно* передает значение невыразимого. В повести Дм. Емца это значение возникает, когда *оно* соотносится с денотатом Великого Нечто (загадочной меняющей обличье сущности), то есть является субститутом литературного онима *Великое Нечто*. В тексте *оно*, соотносимое с денотатом Великого Нечто, составило 21 словоупотребление. Однако не все названные словоупотребления передают СН.

В анализируемой повести представлены: 1) употребление лексемы *оно* без СН и 2) лексема *оно* передает СН. Охарактеризуем оба варианта.

Оно не передает значение невыразимого. Таково употребление *оно* в качестве местоимения, при этом в левостороннем контексте находится антецедент *Великое Нечто*, местоимение *оно* пишется со строчной буквы, шрифтовое выделение отсутствует, например:

- *К тому же если я права, и сон Великого Нечто является нашим бытием, то его пробуждение будет концом нашего бытия...*

- *А если Крам ошибался, и оно не так всесильно?* [7, с. 376].

Значение *оно* в примере – 'то, о чем шла речь в предыдущей реплике'; анализируемое местоимение не передает СН.

Лексема оно передает значение невыразимого. СН возникает в *оно* при наличии одного или нескольких следующих показателей: а) необходимое текстовое задание; б) местоименный субстантиват *оно* употреблен без антецедента в левостороннем контексте (хотя антецедент и подразумевается); в) лексема *оно* в тексте выделена курсивом, и/или наблюдается прописное написание, последний показатель является сигналом переносного употребления, например:

[Великое Нечто материализовалось в жемчужное ожерелье] *Увидев жемчужное ожерелье, Лирда вздрогнула.*

- *Что это? Это Оно?* – спросила она с ужасом [7, с. 371].

В примере присутствует антецедент (*жемчужное ожерелье*), но это не обычное употребление местоимения третьего лица, так как в тексте лексема *оно* маркирована прописной буквой и курсивом. В следующем примере тоже отсутствует антецедент:

Столкнувшись лбами, Бнург и Грзенк с благоговейным ужасом заглянули внутрь. На источившемся от времени бархате лежала жемчужная нить.

- *Это Оно?* – шепотом спросил пес [7, с. 359].

Лексема *оно* выделена курсивом, прописной буквой, это субститут литературного онима с СН, но в примере представлена и семантика скрываемого, умолчания.

В отличие от *нечто* (в том числе употребляемого в качестве литературного онима) *оно* как средство СН более синсемантично: в художественном тексте следует преимущественно после *нечто*, что соответствует различию в семантике данных местоимений и их производных, а также логике человеческого познания: от неопределенности, непознанности к большей определенности и познанию, например:

Только Великое Нечто может быть материальным и нематериальным одновременно. Оно существует на всех уровнях времени и пространства. Оно первопричина всего, кроме самого себя [7, с. 360].

В примере *оно* следует после *нечто* (движение от неопределенности и непознанности к большей определенности), выделено курсивом как знак особого употребления, сигнал того, что в этих номинациях сохраняется значение невыразимого.

III

Исследование СН на материале повести Дм. Емца показало, что *нечто* как элемент поля невыразимого частотно способно передавать СН, входя в состав литературного онима, актуализирует в художественном тексте в шутивно-развлекательной форме философские проблемы, по сравнению с другим средством СН (*оно*) более автосемантично, характерно для кон-

стантной денотативной сферы запредельного, инобытия, в которой наблюдается также пересечение СН со сходными семантиками непостижимого, незримого. Дм. Емец в беллетристической повести «Великое Нечто» предпринял удачный лингвистический эксперимент, отразивший многообразие функциональных признаков СН.

Литература

1. Абрамова В. И. Мотив «невыразимого» в русской романтической картине мира: от В. А. Жуковского к К. К. Случевскому: дис. ... канд. филол. н. М., **2007**. 233 с.
2. Азарова Н. М. Поэтическая грамматика Айги – к преимуществам межъязыкового мышления. URL: http://natalia-azarova.com/cgi-bin/index.pl?p=poet_gram_ajgi.
3. Бабайцева В. В. *Местоимение это и его функциональные омонимы*. М.: ФЛИНТА, **2014**. 168 с.
4. Горшкова Л. А. Семантика и функции неопределенных местоимений в прозе Б. К. Зайцева: автореф. дис. ... канд. филол. н. Уфа, **2005**. 24 с.
5. Жирмунский В. М. *Немецкий романтизм и современная мистика*. СПб.: Аксиома, **1996**. 230 с.
6. Заика В. И. *Очерки по теории художественной речи*. Великий Новгород: Новг. гос. унт-т, **2006**. 407 с.
7. Емец Дм. *Великое Нечто*. М.: ЭКСМО, **2005**. 416 с.
8. Иванян Е. П. *Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. 2-е изд.* М.: ФЛИНТА, **2015**. 328 с.
9. Миронова Т. А. Стилистические функции грамматических категорий имени в русской художественной прозе XX века: автореф. дис. ... канд. филол. н. М.: Ин-т рус. языка, **1992**. 22 с.
10. Михайлова М. Ю. Местоимения как средство передачи семантики невыразимого // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Инновационные процессы современности». Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, **2014**. С. 149–153.
11. Михайлова М. Ю. Семантика невыразимого и смежные явления // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. **2015**. Т. 17. №1(4). С. 963–966.
12. Моргунова А. А. Обзор оттенков значения местоименного субстантивата оно в русском дискурсе начала XXI в. // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: Мат-лы восьмой международ. научно-практ. конф. Самара: ПГСГА, **2013**. С. 189–192.
13. Николаева Т. М. *Функции частиц в высказывании*. М.: Наука, **1985**. 169 с.
14. Сырица Г. С. Семантика невыразимого как этнокультурный феномен // *Славянские языки и культуры в современном мире*. М.: МГОУ, **2009**. С. 294–295.
15. Сырица Г. С. *Актуализация авторских смыслов в художественном тексте. Лингвопоэтический аспект*. М.: ФЛИНТА, **2014**. 160 с.
16. Сырица Г. С. *Филологический анализ художественного текста: Учеб. пособие*. М.: ФЛИНТА, **2015**. 344 с.
17. Эткинд Е. Г. «Внутренний человек» и внешняя речь: *Очерки психопэтики русской литературы XVIII–XIX вв.* М.: Языки русской культуры, **1998**. 448 с.
18. Kita M. Użytkownik języka wobec niewyraźnego, niewyrażanego i niewyrażonego // *Stylistyka*. **2002**. Vol. XI. S. 101–119.

Поступила в редакцию 08.08.2016 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2016.4.4

The great “something”

© M. Yu. Mikhailova

*Samara State University of Social Sciences and Education
65/67 M. Gorky St., 443099 Samara, Russia.*

Email: marinamikhailova44@gmail.com

The frequent mean of semantics of inexpressible lexeme “something” is studied in the article on the material of the novel of Dm. Emets “The Great Something”. The preconditions that allow the indefinite pronouns convey the meaning of inexpressible have been revealed. It was shown that the mean of transference of inexpressible could become a literary onim. In the story, “something” as a mean of conveying semantics of inexpressible is presented in playful parody and entertaining way through a set of well-known philosophical ideas and techniques of thinking (they are listed and illustrated). However, the “something” functioning as an indefinite pronoun conveys in the story the semantics of uncertainty or about, but does not send the value of the inexpressible. The essential functional features of semantics of inexpressible have been identified and characterized. It is shown that in the field of constant denotative semantics of inexpressible “the world of the beyond”, there is an intersection of this semantics with similar semantics of incomprehensible and invisible because of their similarities in syntagmatic and epidigmatic dimensions and the availability of common components in the semantic structure of their constituents. Other means of transference of the meaning of inexpressible have been characterized in comparison with lexeme “something”, “inexpressible”, “someone”, and “it”. The factors with which the lexeme “it” conveys the meaning of the inexpressible have been named. It is shown that as a mean of transference of semantics of inexpressible lexeme “something” is more autosemantic than “it”. Dmitry Yemets in his fictional novel realized a successful linguistic experiment reflecting the variety of functional features of semantics of inexpressible.

Keywords: *functional and semantic category, semantics of inexpressible, literary text, indefinite pronouns, substantive pronoun, semantics of uncertainty.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Mikhailova Yu M., The great “something” // *Liberal Arts in Russia*. 2016. Vol. 5. No. 4. Pp. 376–384.

References

1. Abramova V. I. Motiv «nevrazimogo» v russkoi romanticheskoi kartine mira: ot V. A. Zhukovskogo k K. K. Sluchevskomu: dis. ... kand. filol. n. Moscow, 2007.
2. Azarova N. M. Poeticheskaya grammatika Aigi – k preimushchestvam mezh'yazykovogo myshleniya. URL: http://natalia-azarova.com/cgi-bin/index.pl?p=poet_gram_ajgi.
3. Babaitseva V. V. *Mestoimenie eto i ego funktsional'nye omonimy [The pronoun this and its functional homonyms]*. Moscow: FLINTA, 2014.
4. Gorshkova L. A. Semantika i funktsii neopredelennykh mestoimenii v proze B. K. Zaitseva: avtoref. dis. ... kand. filol. n. Ufa, 2005.
5. Zhirmunskii V. M. *Nemetskii romantizm i sovremennaya mistika [German romanticism and modern mysticism]*. Saint Petersburg: Aksioma, 1996.
6. Zaika V. I. *Ocherki po teorii khudozhestvennoi rechi [Essays on the theory of artistic speech]*. Velikii Novgorod: Novg. gos. unt-t, 2006.
7. Emets Dm. *Velikoe Nechto [The great something]*. Moscow: EKSMO, 2005.

8. Ivanyan E. P. Semantika umolchaniya i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke [The semantics of reticence and the means of its expression in the Russian language]. 2 ed. Moscow: FLINTA, **2015**.
9. Mironova T. A. Stilisticheskie funktsii grammaticheskikh kategorii imeni v russkoi khudozhestvennoi proze XX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. n. Moscow: In-t rus. yazyka, **1992**.
10. Mikhailova M. Yu. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Innovatsionnye protsessy sovremennosti». Ufa: RIO MTsII OMEGA SAINS, **2014**. Pp. 149–153.
11. Mikhailova M. Yu. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. **2015**. Vol. 17. No. 1(4). Pp. 963–966.
12. Morgunova A. A. Vyshee gumanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy: Mat-ly vos'moi mezhdunar. nauchno-prakt. konf. Samara: PGSGA, **2013**. Pp. 189–192.
13. Nikolaeva T. M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii [Functions of the particles in a statement]*. Moscow: Nauka, **1985**.
14. Syritsa G. S. *Slavyanskie yazyki i kul'tury v sovremennom mire*. Moscow: MGOU, **2009**. Pp. 294–295.
15. Syritsa G. S. *Aktualizatsiya avtorskikh smyslov v khudozhestvennom tekste. Lingvopoeticheskii aspekt [The actualization of the author's meaning in a literary text. Linguopoetics aspect]*. Moscow: FLINTA, **2014**.
16. Syritsa G. S. *Filologicheskii analiz khudozhestvennogo teksta: Ucheb. Posobie [Philological analysis of literary text: Textbook]*. Moscow: FLINTA, **2015**.
17. Etkind E. G. «Vnutrennii chelovek» i vneshnyaya rech': *Ocherki psikhopoetiki russkoi literatury KhVIII–XIX vv. [“Inner man” and outer speech: Psychopoetics essays on of Russian literature of 18th–19th centuries.]*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, **1998**.
18. Kita M. *Stylistyka*. **2002**. Vol. XI. Pp. 101–119.

Received 08.08.2016.